

ПЕРВОЕ В СССР
БЮРО ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК

(5-й год существования)

СЕКТОР ПЕЧАТИ

МОСПОЧТАМТА

Покровка, 55.

Телефон № 96-69.

Вырезка из журнала

Рабочий и Театр

г. Ленинград

от

26 ФЕВ 1930 1928-г.

„ЧТОБЫ ДУРАКУ БЫЛО СМЕШНО...!“ ТЕАТР САТИРЫ
„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“

Вы приходите в „театр малых форм“, как бы он ни назывался „Театром Сатиры“ или „Кривым Зеркалом“ и заранее знаете, что вам покажут. Тупоумный бюрократ, к которому „без доклада не входить“. Мещанистая дуреха, жаждущая красивой жизни. Приспосабливающийся эстрадник. Душно!

В одном из писем Салтыкова-Щедрина орошена жестокая характеристика современных ему юмористов, писавших так „чтобы дураку было смешно, а сукину сыну не обидно“. У тех юмористов хоть оправдание какое-то имелось: иначе острить не разрешалось. „Чтобы дураку было смешно, а сукину сыну не обидно“—это была норма, это был закон, это был безоговорочный приказ „властей“.

У нас иное. У нас, где самокритика не взирая на лица является одним из органических методов работы—щедринская формула раздавлена самою жизнью. И лишь в театрах так называемой „сатиры“ она все еще является путеводной звездой, по которой равняются, к которой приспосабливаются, ее отраженным светом живут.

Взять хотя бы две последние премьеры (первая из них, впрочем, не столько премьера, сколько „подчищенное“ возобновление)—„Фабрика канители“ (Театр Сатиры) и „Довольно, бросьте!“ („Кривое Зеркало“). Можно, конечно, да и должно, как в той, так и в другой вещи найти положительные стороны. Антиалкогольные сценки в Сатире, где убедительно показаны одинаковые результаты пребывания в культурной и бескультурной пивных—это зло, это бьет по сторонникам теории

мирного сожительства культуры и алкоголя. Не мало обидного для „сукиных детей“ и в криво-зеркальной лекции о хамстве, правда, слишком растянутой и притупленной „смешным для дураков“. Любопытен, наконец, сам замысел (но отнюдь не разрешение) вплетения в интригу „Фабрики канители“ „покойного автора“. Своеобразный „юмор висельника“, вносящий неожиданную серьезность в беззащитную атмосферу юмористического представления.

Но основное, разумеется, не здесь. Основное—в этих разговорах по телефону услужливого зава с истеричной завшей, в этой демонстрации нижнего белья под предлогом разоблачения изъяснов кооперации, в этих приставаниях „кино-режиссера“ к девушке, острогах насчет Маяковского, инсценировке „умирающего лебедя“, старательном высмеивании акцентирующей фельдшерницы, упивающейся томиком Есенина, и в тому подобных эпизодах.

— Что же делать если пьес нет?—неизменный дежурный ответ работников сатирических театров на упреки:—Драматурги бойкотируют! За неимением гербовой, пишем на простой. Вот если бы...

Что „если бы“? Да, разумеется нет пьес. Пьес нет. Вернее, нет умения сгруппировать вокруг театра писательский актив, взять его в работу,

руководить им. Но только ли в драматургическом полуфабрикате дело? А если придет, с неба свалится, нужная пьеса сумеют ли малые театры достойно ее „подать“? Вопрос серьезный.

Запомнился случайный разговор на репетиции в одном из не таких уж маленьких театров. Сцена, что называется „не идет“. Тоска. Как быть?

— Как быть?—спрашивают режиссера.

— А мы тут чегонибудь похабенького подпустим!—потирая ручки отвечает тот.

„Чегонибудь похабенького“—это испытанный рецепт поставить такой спектакль „чтобы дураку было смешно...“ И вот по этому рецепту слишком часто работают недалёковидные сатирики.

Приемы работы, подход к материалу, бытовые навыки в конце концов,—все это уводит „театры сатиры“ к дореволюционным временам, к мелко-буржуазному миниатюру, к стандартизированным мещанским заведениям „двух часов беззаботного смеха“. Отсюда—и узенькое блюдечко отстоявшихся „нейтральных“ тем, и беззубость, и неумение сказать действительно живое сегодняшнее слово.

Снять брюки с человека—вот пожалуй единственный „разоблачительный“ прием, который известен „театрам сатиры“. Когда же дело доходит до „агитации и пропаганды“ то этот „идеологический принудительный ассортимент“ наскоро запикивают в казенный виц-мундир и в таком вот виде преподносят зрителю. Радио, разоблачающее хамство

(„Довольно, бросьте“), человек на просцениуме безучастно бормочущий вялые слова и цифры об „ухабах быта“ („Фабрика Канители“)—что это как не заверенная сотнями и тысячами зрителей расписка театра в неумении художественно претворить эту самую идеологию?

Дело с театрами сатиры значительно серьезнее чем может показаться на первый взгляд. Ограничиваться здесь обычными рецензентскими шуточками „Довольно, мол, бросьте эту фабрику канители!“, или „Темы валяются под ногами“ никоим образом нельзя. Надо в корне пересмотреть сами принципы построения сатирического спектакля, внимательно перетряхнуть людской состав работающий в этой области, влить туда новые силы и средства.

Весьма вероятно, что на этом пути возникнет совершенно новый тип сатирического спектакля, спектакля-факта, далекого от того развинченного и бессмысленно-хихикающего переростка, который преподносится сейчас под видом „сатиры“. Ясно: тот язык, которым разговаривают ныне „театры сатиры“—чужой язык для рабочего зрителя, язык который никогда не сможет стать „рупором художественной самокритики“. Таким рупором, прислушавшись к которому дураку станет не смешно, а „сукиному сыну“ действительно обидно.

Сим. Дрейден

Жуков—И. И. Гнида („Довольно, бросьте“).